

**ИННОВАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ЦИКЛИЧЕСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЙОЗЕФА ШУМПЕТЕРА И
“ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ЗАНЯТОСТИ, ПРОЦЕНТА И ДЕНЕГ” ДЖОНА
КЕЙНСА**

**(РОЛЬ БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОЙ И КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНОЙ
ПОЛИТИК В ЭКОНОМРЕГУЛИРОВАНИИ)**

Кузьменко В. П.

Национальный институт проблем международной безопасности Совета
национальной безопасности и обороны Украины

В отдельных странах в разные времена использовались разнообразные рычаги государственного регулирования, которые иногда отрицались адептами предельно рыночной экономики. И такие дискуссии не утихают до нашего времени, несмотря на то, что почти не существует стран так называемого “социалистического лагеря”, где под методами государственного регулирования понималась плановая экономика, которая имела вполне директивные методы жесткой централизации всех ветвей коммунистической власти. Сегодня даже “красный” Китай уже имеет исключения, которые не отвечают принципам функционирования “социалистической экономики”. Другое дело, что в рыночных и нерыночных экономиках использовались, на первый взгляд, близкие методы бюджетно-налогового, кредитно-денежного и инвестиционно-инновационного регулирования. Кстати, на сегодня это и есть система довольно эффективных политик, две первые из которых должны быть подчинены последней, то есть бюджетно-налоговая и кредитно-денежная политики в любой цивилизованной стране направляются на обеспечение эффективного инвестиционного процесса с большой ролью в нем инновационной составляющей. Ведь прорыв высоких технологий к новому технологическому укладу, который способствует приросту темпов экономического развития за счет инноваций, в состоянии обеспечить ускоренный подъем хозяйства той или иной страны.

Необходимо учитывать, что в любой из периодически повторяемых фаз экономического цикла применение указанных выше политик в разных странах имеет свои особенности. Теория периодичности промышленных кризисов и путей их преодоления за счет бюджетно-налоговой и кредитно-денежной политик, которые оказывают непосредственное влияние на структурно-инвестиционную и социально-экономическую политики, направленные на обеспечение стабилизации, рост производственной и непроизводственной сфер и улучшение жизни народа, впервые в мире была предложена еще в конце XIX столетия выдающимся украинским ученым Михаилом Ивановичем Туган-Барановским. В 1894 г. вышла из печати его знаменитая работа “Промышленные кризисы в Англии, их периодичность и влияние на народную жизнь” [1], то есть социально-экономическую политику в государстве. Через 27-28 лет “закона поколений”, в 1922 году, его учеником Николаем Дмитриевичем Кондратьевым была создана теория “больших циклов конъюнктуры” длиной 48-60 (в среднем – 54-55) лет [2]. Таким образом, этот выдающийся российский ученый открыл названные его именем социально-экономические циклы, которые в дальнейшем приобрели название “кондратьевских длинных волн” или “К-волн”, в основе начала образования каждой из которых находился сформированный еще в кризисный период предшествующей волны кластер

взаимодополняющих базовых инноваций. Последнее положение он определил как первую эмпирическую правильность его теории “К-волн”.

Выдающийся австро-американский ученый Йозеф Алоиз Шумпетер, который называл М.Туган-Барановского “наиболее выдающимся русским экономистом” [5, 1160, 1481], работая на территории Украины, в Черновцах, принадлежавших тогда Австро-Венгерской империи, в начале 10-х годов XX века создал “инновационную теорию предпринимательства”, на основе которой уже в 30-е годы развил “кондратьевскую циклическую парадигму” в направлении инновационной концепции “длинных волн”, изложенную в фундаментальном двухтомнике “Деловые циклы” [3], который вышел в свет в 1939 г. – то есть накануне второй мировой войны. Й.Шумпетер разработал не столько теорию волн, сколько успешный метод для понимания циклов вообще. Метод Шумпетера по сути не является междисциплинарным, поскольку в этих работах он старался ограничить рамки анализа к “экономической жизни”, жизни в которой *“торжествуют частная собственность, разделение труда и свободная конкуренция”* [4, 59-60]. Это все верно кроме осознанного им факта, что *“социальный процесс на самом деле есть одним нераздельным целым”*. Автор различал *“факторы изменения”*, которые являются эндогенными для капитализма, и те, которые являются экзогенными [6, 11-12]. Войны, революции, социальные волнения, правительственная политика, землетрясения и выращивание сельскохозяйственных культур считаются экзогенными. Для понимания эндогенных факторов необходимо постичь его представление относительно “Теории экономического развития” – так он назвал свою выдающуюся работу, которая увидела свет в 1912 г. Он сказал: *“Под развитием будем понимать только такие изменения в экономической жизни, которые не влияют на него извне, а происходят от его собственной инициативы, то есть изнутри”* [4, 154]. Развитие - это процесс прерывчатых изменений и неуравновешенности, вызванных инновациями: *“внедрение новых комбинаций”* [4, 159].

Инновация сыграла центральную роль в теории Шумпетера. Он охарактеризовал ее, *“как установление новой производственной функции. Это может быть производство нового товара, внедрение новых форм организации, таких как, например, слияние, открытие нового рынка и т. п.”* [3, 62]. Инновация отличается от изобретения, которое есть, так сказать, сырым материалом для инновации. *“Лица, которые вводят новые производственные функции, которые отличаются от воспроизводимых старых производственных функций и изменяют пропорции и количество факторов производства в границах последних, называются предпринимателями”* [3, 77]. Инновации требуют значительно больших усилий, чем обычное ведение бизнеса потому, что предусматривают внедрение неиспытанного. Но если новый способ производства становится известным другим предпринимателям, им становится легче *“(1) делать именно то же, (2) улучшать и (3) делать подобные вещи в подобных направлениях”*. Последние два вида Шумпетер назвал *“индуцированными инновациями”*, а первую, наверное, совсем нельзя назвать инновацией. Это объясняет тот факт, что инновации распределены во времени неравномерно и появляются пучками или кластерами, вдобавок, *“в конкретное время распределенные в экономической системе не случайно, а имеют тенденцию концентрироваться в определенных секторах и секторах, связанных с ними”*. Шумпетер предположил, что инновации внедряются новыми людьми и новыми фирмами. *“Инновация дает возможность новой фирме*

получать прибыли лишь некоторое время, в конце концов она выбывает из конкуренции и приходит в упадок” [3, 69]. Но есть и исключения - случаи гигантских компаний, которые являются каркасом для сменного персонала, который в свою очередь последовательно проводит инновации. Такое явление Шумпетер назвал трестовым капитализмом, чтобы отличить его от конкурентного капитализма. *“Инновации обычно требуют создания нового оборудования (или модернизации старого) и требуют времени и расходов”* [3, 68].

Деньги берутся благодаря созданию кредита или имеют источник бюджетных субвенций. Сбережения появляются главным образом вследствие прибылей, которые в свою очередь преимущественно происходят от инноваций. Поэтому по логике сбережения в конце концов также образуются с кредита. Сбережения определены, как *“выделение домохозяйством части текущих прибылей для приобретения права на доход или для возврата долга”* [3, 49]. Для фирмы это называется накоплением. Сбережение и накопление отличаются от удержания от потребления и создания запасов; сбережения в понимании Шумпетера никогда не могут быть причиной кризиса. *“Принятие решения о купле права на доход назовем инвестициями”* [3, 51] – говорит Шумпетер. Для домохозяйств это означает покупку акций, облигаций, земли и недвижимости. Для фирм сюда входят также *“затраты на все виды производственных товаров после замены”*, которые называются *“реальными инвестициями”*. Поэтому сбережения и инвестиции - разные события.

Шумпетер применил равновесную концепцию в понимании одного из основателей теории маржинализма – выдающегося французского экономиста-математика Леона Вальраса, если *“каждая фирма, промышленность и домохозяйство не имеют ни единых стимулов делать что-то свыше того, что они уже делают”* [3, 20]. Важность системы Вальраса состоит в тенденции экономики к равновесию, что и наблюдается в реальной жизни. Реальная жизнь, конечно, не обеспечивает требования системы Вальраса, но и не разрушает ее значения. Предприниматели, проводя инновационную деятельность во время повышательной волны и передвигая экономику выше равновесия, обеспечивают базу для технологической ренты и, как следствие, благосостояние. Но технологические ренты уменьшаются по мере того, как предшествующие инновации становятся установившейся практикой в экономической жизни. Поэтому появляется понижательная волна. До сих пор модель обсуждалась так, будто существует только одно волнообразное движение. Шумпетер утверждал, что мы должны ожидать бесконечное количество циклов. Однако для аналитического удобства в своем историческом очерке он основал трициклическую схему: цикл Китчина (3-4 года), Жюгляра (7-11 лет), Кондратьева (48-60 лет). Шумпетер принимает без доказательств, что *“каждый цикл Кондратьева должен содержать целое число циклов Жюгляра, который содержит целое число циклов Китчина”* [3, 147]. И в этой априорной схеме он предугадал фракталы Бенуа Мандельброта, открытые через 30 лет.

Все циклы генерируются инновациями, хотя Шумпетер выразил сомнение относительно цикла Китчина, который *“может быть волнами адаптации и включать 2 или 4 фазы, из которых депрессия и стабилизация не являются обязательными частями схемы”* [3, 148]. Поскольку вышеупомянутые циклы интерферируют между собою, невозможно сказать наверное, каким будет окончательный результат, кроме предположения, что

если все три находятся в одной фазе, в частности, в депрессии, развитие событий будет сопровождаться с необыкновенной интенсивностью. Не более, как для иллюстрации Шумпетер предложил диаграмму, которая показывает три синусоиды и результат их сложения. Хронологически Шумпетер обнаружил три трехлетних цикла Китчина в каждом девятилетнем цикле Жюгляра и шесть циклов Жюгляра в каждом пятидесятичетырехлетнем цикле Кондратьева.

Из данной теории вытекает, что выпуск товаров потребления наиболее увеличивается во время рецессии и стабилизации. *“Будем <...> считать, что факты будут согласовываться с изложенными выше ожиданиями лучше всего в цикле Кондратьева, меньше в случае цикла Жюгляра и меньше всего в цикле Китчина”*. Выпуск средств производства должен увеличиваться в фазах стабилизации и подъема и уменьшаться, или медленно увеличиваться в фазах рецессии и депрессии. Итак, *“совокупный объем производства будет увеличиваться во всех фазах цикла за исключением “глубокой” депрессии, <...> исключением, которое едва ли когда-то распространяется на всю депрессивную фазу, поскольку обуславливается паникой и ошибочными спиралями, которые, как правило, длятся не больше года”* [3, 436]

В принципе, уровень цен должен подниматься в фазу подъема и падать в фазе депрессии больше, чем он поднялся в фазе рецессии. Продолжительное падение цен в период депрессии имеет тенденцию корректироваться во время стабилизации, но поскольку объем производства продолжает увеличиваться в период стабилизации, коррекция не является завершенной. *“Относительно ожиданий циклического поведения ставки процента, то <...> ставка процента будет расти с опозданием в период подъема и так же падать с опозданием в период рецессии, <...> следующее падение обычно имеет место в фазе депрессии как следствие ограничения интенсивности коммерческой деятельности. Но как и во всех других случаях, мы должны помнить, что процессы депрессии неустоявшиеся, даже если не принимать во внимание паники относительно ставки процента, которые характерны для депрессии”* [3, 437]. Так, неуверенность в поведении ставки процента продолжается в период стабилизации, которая должна возратить ставку процента к значению, близкому к равновесному.

“Конечно, логичным будет предположение об увеличении занятости меньшими темпами в фазе благосостояния, уменьшение с большими темпами в фазе рецессии, что темпы снижения будут максимальными, если система входит в депрессию, и занятость будет продолжать уменьшаться темпами, которые постепенно уменьшаются по мере движения к точке, в которой начинается стабилизация, после чего она будет увеличиваться сначала медленно, а потом все уверенней, по мере того, как процесс стабилизации набирает темпы, пока не достигнуто равновесие. При циклическом движении, построенном согласно нашей модели, при условии, что это движение ограничено одной страной и экономический процесс в других есть стационарным или лишь возрастающим, экспорт будет увеличиваться, а импорт уменьшаться в положительной фазе. В отрицательной фазе все будет наоборот. Но мы не можем быть уверены, что обнаружим это”. Из-за того, что на фондовом рынке значительно свободнее атмосфера, чем на любом другому рынке, *“естественно предположить, что в общем будет оживление на фондовой бирже, а из-за отсутствия внешних неблагоприятных факторов настанет раньше и скорее будет набирать ход соответствующее оживление в*

деловой активности, то есть происходит уже на последней стадии стабилизации, когда дела начинают улучшаться день за днем и раскрываются новые возможности” [3, 437].

Так же цены на акции упадут к тому моменту, когда изменятся другие индикаторы, то есть, если на последней стадии подъема появляются ограничения и трудности, становится понятно, что возможные достижения исчерпали себя. Денежные ставки заработной платы возрастают с опозданием в период подъема и падают с отставанием при понижательной волне. И снижение ставки заработной платы не является обязательным явлением как в рецессии, так и в период депрессии. Реальные ставки возрастают больше в рецессии, депрессии и стабилизации, чем в период подъема, в особенности для волн Кондратьева. Во время фазы подъема, расходы производства все большее давят на прибыли, а фаза рецессии приносит уже настоящие проблемы для многих фирм. Все эти ожидания взаимодействуют с внешними факторами. Каждая ошибка в ожиданиях не дискредитирует изложенную теорию, поскольку в таком случае можно найти внешние (экзогенные) факторы, которые объясняют отклонения.

В момент написания “Деловых циклов” Йозеф Шумпетер проживал в США, но эта могущественная страна тогда уже использовала другую концепцию, названную потом “кейнсианской революцией” в экономической мысли, взятую на вооружение для преодоления глубокого экономического кризиса – “Великой депрессии” 30-х годов – “мозговым трестом” Франклина Рузвельта. Самое название “кейнсианская революция” возникло в связи с выходом в 1936 г. очень резонансной работы выдающегося английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса “Общая теория занятости, процента и денег” [7]. Без сомнения, теории Дж.М. Кейнса и Й.А. Шумпетера с необыкновенной силой повлияли на экономическую теорию и социально-экономическую политику всего XX столетия, хотя создавали их они в первой его половине, уйдя из жизни в ее конце. Возможно, это влияние было большим, чем любых других ученых-экономистов XX века вообще. Они опубликовали разные статьи и книги, часто на похожие проблемы, как, например, монетарная теория, экономическая политика и деловые циклы. В то время, как Кейнс направлял свое внимание больше на краткосрочные события, Шумпетера интересовало долгосрочное развитие капиталистической экономики. Оглядываясь назад в историю, кажется, что подходы обоих только бы выиграли, если бы приняли взгляды и идеи своего соперника. Оба, родившись в одном и том же 1883 году, имели много возможностей встретиться друг с другом и сотрудничать. Несмотря на то, каким бы было полезным сотрудничество этих двух гигантов, в действительности контакты были нечастыми и довольно холодными [8,95].

В отличие от Кейнса, Шумпетер никогда не уделял внимание проблемам государственной политики, хотя и был министром финансов Австрии. По его мнению такая деятельность для ученых-экономистов есть второстепенной и отличается от чисто “научной работы”, более того, может навредить в проведении государственной политики. В то время, когда Кейнс подчеркивал важность монетарной и фискальной политик для поддержания совокупного спроса, *“Шумпетер сфокусировал внимание на ведущих промышленных секторах: текстильная промышленность в 18 веке, железные дороги в 19 веке и электроэнергетика в начале 20 века” [9, 381].* Выражение оптимизма Кейнсом

в глубинах “Великой депрессии” воспринималось многими его академическими коллегами, как буйная экономическая ересь. Она не согласовывалась с утверждением, которое сформировалось в американском и европейском мышлении к тому времени уже более, чем столетие тому назад. Это утверждение – закон Сэя. Согласно ему сам акт производства товаров обеспечивал в совокупности доход, который позже выкупает их. Короче говоря, предложение порождает собственный спрос. Любая капиталистическая экономика находится в равновесии при полной занятости, поэтому экономика застрахована от долгосрочной безработицы и депрессии. Все, что надо было сделать, это не вмешиваться в рынок. Кейнс возразил. Экономика может также находиться в равновесии при продолжительной безработице, ведь это нужно как-то исправлять. Он предложил лекарство. Правительство должно занимать деньги и инвестировать их. Если одолжено и инвестировано достаточно капитала, сбережения будут компенсированы инвестициями. Как следствие, увеличится объем производства и занятость. С его советами во время “Великой депрессии” при внедрении Нового Курса корреспондируют действия Франклина Рузвельта и его “мозгового треста”, хотя к необходимым выводам они пришли и независимо от Дж.Кейнса. Й.Шумпетер, в свою очередь, роптал на политику Нового Курса, в частности на вышеупомянутые средства спасения капитализма. По его мнению американское правительство было не в силах преодолеть трудности из-за разделенных властных полномочий, общественной нестабильности и других факторов [9, 385].

Во время “Великой депрессии” распространилась дискуссия относительно причин стагнации (бега на месте) экономики, в особенности после резкого спада в 1937 году, когда стало понятно, что полное возрождение из депрессии не придет автоматически. Шумпетер, с одной стороны, утверждал, что спад экономики перед полнейшим возрождением был результатом Нового Курса, хотя следствием не так его сути, как антиделовой философии тех, кто руководил им. Саму “Великую депрессию” он объяснял синхронизацией в период 1929-1933 гг. нижней фазы цикла Кондратьева с нижними фазами циклов Жюгляра и Китчина. С другой стороны, Элвин Хансен – наиболее влиятельный защитник Кейнса, утверждал, что система была склонна к глубокой стагнации благодаря снижающимся возможностям в инвестировании – большей частью результат перезрелости промышленности, которая уменьшала спрос на чистые инвестиции. Рассматривая эти и прочие факторы, Хансен приходил к выводу, что среда для чистых инвестиций уменьшилась сравнительно с ранними стадиями индустриализации, что и стало причиной продолжительной стагнации, пока не вмешалось правительство для того, чтобы стимулировать инвестиции [10, 1099].

Теперь, созерцая события семидесятилетней давности видно, что здесь проявляются различия в видениях, анализе и разработке государственной политики по Кейнсу и по Шумпетеру. Последний никогда не обращается к проблеме занятости или национальной экономики, как к агрегатам, которые стали прорывом кейнсианского анализа. В сороковых годах Шумпетер работал над трактатом по истории экономической мысли, начиная от Платона. “История экономического анализа” заканчивается длинной, но незавершенной оценкой Джона Мейнарда Кейнса [5]. “Стагнационизм”, который Шумпетер обнаружил у Джона Стюарта Милля и других, достиг наивысшего предела в карьере Кейнса, чье ощущение Англии в кризисе сформировало его “видение”, как

экономиста. Это, утверждал Шумпетер, имело решающее значение для дальнейшего развития экономической мысли, поскольку Кейнс обладал наибольшим влиянием на следующее поколение теоретиков. Признавая, что Кейнс есть наиболее выдающимся английским экономистом после Рикардо, Шумпетер подверг его критике за то, что он разделял склонность Рикардо к использованию теории прямо на практике [6, 160-161].

Й.Шумпетер утверждал, что Дж.Кейнс неправильно истолковал природу капиталистической промышленности. Он предположил, что не только методы промышленного производства не изменяются, а также и то, что количество оборудования остается постоянным. Это ограничивает его анализ в очень коротком периоде времени (3-10 месяцев). Более того, поскольку технологические изменения служат основой кейнсианского процесса и источником многих его проблем, данное предположение исключает выпуклые характеристики капиталистических реалий. Дальше хуже, сосредоточенность Кейнса на высокой “склонности к потреблению” как средстве для преодоления “Великой депрессии” перевернуло классическое представление, что сбережения есть положительной силой. В кейнсианской системе, сбережения действительно могут быть недостатком, который является не причиной формирования капитала, а причиной безработицы и разрушения капитала. Шумпетер утверждал, что достижения Кейнса были характерны для определенного времени и места, а его теория совсем не была “общей”. Таким образом, он заканчивает свою большую работу взвешенной, но критической оценкой Кейнса [5].

Противопоставляя Шумпетера и Кейнса, видим проблемы и противоречия разных стилей экономического анализа. Также видим, как полезность анализа зависит от времени и обстоятельств. Для Шумпетера силой, которая правила бесстрашной энергией Кейнса, было его решение влиять на государственную политику, в частности, для того, чтобы защитить интересы Великобритании. Хотя Англия к тому времени уже утратила свое промышленное первенство, Лондон все-таки оставался финансовым центром мира. Из этих обстоятельств и вытекали акценты Кейнса на монетарных рычагах и, в частности, его характерное фокусирование на агрегатах, а не на секторальном анализе. В своих работах 30-х годов, т.е. периода “Великой депрессии”, Кейнс отдавал приоритет любой политике, которая может увеличить склонность к потреблению на пути преодоления экономического кризиса.

И когда “Великая депрессия” закончилась, эта политика, которую американские кейнсиансты отстаивали больше, чем сам Кейнс, имела тенденцию отбивать охоту от сбережений и находить оправдания огромным фискальным дефицитам. Она выдвигала обобщенную государственную деятельность на агрегированном уровне, не обращая внимание на отдельные секторы промышленности [9, 383]. Таким образом, в первые послевоенные десятилетия проявилась родственная связь между кейнсианством и методами экономической политики в США и Великобритании и согласованность экономической политики Японии и ФРГ с догматами Шумпетера с акцентом на инновационной политике, направленной на конкретные отрасли промышленности.

Неоспоримость использования инноваций как основы достижения стратегического конкурентного преимущества отраслей и компаний не требует особых доказательств. В фундаментальной работе Майкла Портера “Конкурентная стратегия” [11] прямо указывается: *“Каждая успешная компания применяет свою собственную стратегию. Однако, характер и эволюция всех успешных компаний оказываются в своей основе одинаковыми. Компания добивается конкурентных преимуществ посредством инноваций. Они подходят к нововведениям в самом широком смысле, используя, как новые технологии, так и новые методы работы <...> После того, как компания достигает конкурентных преимуществ благодаря нововведениям, она может удержать их только с помощью постоянных улучшений <...> Конкуренты сразу же и обязательно обойдут любую компанию, которая прекратит совершенствование и внедрение инноваций”*. Эта аксиома, высказанная впервые Шумпетером и развитая Портером в его многочисленных книгах по теории и практике международной конкуренции, стала завещанием для всех предпринимателей мира.

Литература

1. Туган-Барановский Михаил Иванович. Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие влияния на народную жизнь. – СПб., 1894.; Туган-Барановский М.И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. - М., 1997.
2. Кондратьев Николай Дмитриевич. Большие циклы конъюнктуры. // Вопросы конъюнктуры. 1925. Т. I. Вып. 1. - С. 28-79.; Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. – М., 1993. – С. 24-83; Кондратьев Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры. Доклад. // Проблемы экономической динамики. – М., 1989. – С. 172-226.
3. Scumpeter J. Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. – N.Y.-L., 1939.
4. Шумпетер Йозеф Алоиз. Теория экономического развития. - М., 1982.
5. Шумпетер Йозеф Алоиз. История экономического анализа. В 3-х томах. – СПб., 2001. – Т. 3, С. 1539-1557.
6. Schumpeter Josef Alois. Essays on entrepreneurs, innovations, business cycles, and the evolution of capitalism. // Josef A. Schumpeter; ed. by Richard V. Clemence; with a new introduction by Richard Swedberg.-Transactions Publishers, 1989.
7. Кейнс Джон Мейнард. Общая теория занятости процента и денег. // Антология экономической мысли. В 2-х томах. – М., 1992, Т. 2. – С. 137-432; Кейнс Дж. М. Избранные произведения. - М., 1993. – С. 224-518.
8. Schumpeter in the History of Ideas/Ed. by Yuichi Shionoya and Mark Perlman.- The University of Michigan Press, 1994.
9. McCraw T.K. Schumpeter’s ascending. // American Scholar.- Summer 91, Vol. 60, Issue 3.
10. Heilbroner R. Analysis and vision in the history of modern economic thought. // Journal of Economic Literature, Sep. 90, Vol. 28 Issue 3.

11. Портер Майкл. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. – М., 2005.